

ISSN 0321-2017

Политические  
Исследования

2013





# “ЦАРЬ ГОРЫ”, ИЛИ ПОЧЕМУ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ АВТОКРАТИЯХ ПЛОХИЕ ИНСТИТУТЫ<sup>1</sup>

А.Ю. Мельвиль, Д.К. Стукал, М.Г. Миронюк

**Ключевые слова:** государственная состоятельность, демократия, качество институтов, посткоммунистические режимы.

## ПРОБЛЕМА

Какова зависимость между качеством институтов и характером политического режима? Как различные уровни государственной состоятельности связаны с режимными траекториями? Почему все развитые консолидированные демократии имеют хорошие институты, обеспечивающие закон и порядок, соблюдение прав собственности, эффективное государственное управление, ограничение коррупции, политическую и экономическую конкуренцию, свободу средств массовой информации и др.? С другой стороны, почему есть автократии с преимущественно хорошими институтами, а есть — с очень плохими?

Эти вопросы сегодня находятся в фокусе интенсивных теоретических и эмпирических исследований. При этом ряд авторитетных исследователей приходят к выводу о наличии нелинейной J-образной связи между государственной состоятельностью и качеством институтов, с одной стороны, и уровнем демократии — с другой. Из этого делается, в частности, вывод о том, что консолидированные автократии обладают более высоким уровнем государственной состоятельности и качеством институтов, нежели переходные и гибридные режимы. В качестве примеров (впрочем, немногочисленных) часто приводят Сингапур, Оман, Катар. Но так ли это применительно к другим выборкам, например, посткоммунистическим странам? Возникли ли за четверть века трансформаций этих стран автократии с хорошими институтами и высокой государственной состоятельностью, а если нет — то почему?

## ЛИТЕРАТУРА

Появившаяся в последние два с лишним десятилетия литература, посвященная проблемам взаимосвязи государственной состоятельности, качества институтов и политических режимов, весьма внушительна [см. напр. Linz, Stepan 1996; Rose, Shin 2001; Grzymala-Busse, Jones Luong 2002; Bratton 2004; Tilly 2007; Fukuyama

МЕЛЬВИЛЬ Андрей Юрьевич, доктор философских наук, профессор, декан факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ, заслуженный деятель науки РФ; СТУКАЛ Денис Константинович, кандидат политических наук, доцент общеуниверситетской кафедры высшей математики НИУ ВШЭ; МИРОНЮК Михаил Григорьевич, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии НИУ ВШЭ. Для связи с авторами: andreymelville@gmail.com; denis.stukal@gmail.com; mmironyuk@gmail.com

<sup>1</sup> Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. В статье используются материалы проектов 2012-2013 гг. “Государственная состоятельность как предпосылка демократии? (Эмпирический анализ взаимосвязи типов государственной состоятельности и траекторий режимных трансформаций в странах “третьей волны демократизации”)” и “‘Good enough governance’ в условиях режимных трансформаций: качество заимствованных институтов в странах догоняющего развития”.

2007; Hansen 2008; Baeck, Hadenius 2008; Moller, Skaaning 2011; Fortin 2011; Carbone, Memoli 2011/2012 и др.]. Она очень разнопланова, но в качестве едва ли не априорной посылки в ней распространено положение о том, что государство/государственность является необходимой предпосылкой демократии. Этот тезис идет еще от Д. Растоу [Rustow 1970: 337-363]. Часто в соответствующей литературе цитируется утверждение Х. Линца и А. Степана о том, что “демократия есть форма правления в современном государстве. Таким образом, без государства современная демократия невозможна” [Linz, Stepan 1996: 17]. Данный аргумент получает развитие во многих работах современных авторов.

Действительно, нет сомнений в том, что современная демократия невозможна без дееспособного государства и не может не существовать в пространстве государственности. Проблема, однако, в другом: в современном мире существуют разные государства с весьма различающимися характеристиками государственности. Дифференциация уровней государственной состоятельности как раз и используется в качестве одного из способов их измерения и сравнения, в том числе в аспекте режимных различий. Теоретический аргумент о разных соотношениях уровней государственности и типов политических режимов был обоснован, в частности, Ч. Тилли [Tilly 2007: 19] (см. табл. 1)<sup>2</sup>.

Таблица 1

## Соотношение уровней государственности и типов политических режимов (по Ч. Тилли)

	Политический режим	
Государственная состоятельность	Высокий потенциал государственной состоятельности – недемократический режим	Высокий потенциал государственной состоятельности – демократический режим
	Низкий потенциал государственной состоятельности – недемократический режим	Низкий потенциал государственной состоятельности – демократический режим

В приведенном выше теоретическом аргументе Ч. Тилли фактически уже содержится рассматриваемый нами тезис о J-кривой, который фигурирует и в целом ряде получивших известность эмпирических работ [Baeck, Hadenius 2008; Charron, Lapuente 2010; Fortin 2011; Moller, Skaaning 2011 и др.]. В соответствии с результатами проведенных на больших выборках (large-N) исследований этих и других авторов утверждается, что самые высокие уровни государственной состоятельности (и качества институтов) достигаются в развитых и консолидированных демократиях. Но эти же уровни относительно высоки и в консолидированных автократиях – по крайней мере, они намного выше, чем в переходных и гибридных режимах<sup>3</sup>.

<sup>2</sup> Показательно, что в качестве примера сочетания высокой государственной состоятельности и авторитарного режима Тилли приводит Казахстан. (Ниже мы будем оспаривать этот тезис.)

<sup>3</sup> Заметим при этом, что в тезисе о J-кривой не содержится, по крайней мере, в явном виде указания на направление причинной связи между характером политического режима и государственной состоятельностью и качеством институтов. Проблема эндогенности здесь в том, что мы не знаем однозначно, что и на что влияет, и нет ли здесь каких-либо “третьих” причин. То есть связаны ли состояние и динамика государственной состоятельности и режимные характеристики только друг с другом – или еще и с другими факторами, например, экономическим развитием, институциональными традициями, внешними влияниями и др. Мы вернемся к этому вопросу ниже.

Логично предположить, что если J-кривая действительно отражает некоторую общую закономерность, тогда и среди посткоммунистических стран должны быть автократии с высокой государственной состоятельностью и качественными институтами (примерно так, как предполагал Ч.Тилли). Можно продолжить это рассуждение и допустить, что существует и определенная логика в последовательности реформ и преобразований в переходных странах: вначале укрепление “сильного”<sup>4</sup> государства и “вертикали власти” и только потом — демократизация, которая в противном случае чревата опасностью неуправляемости, хаоса и даже распада государственности. Если это так, то одна из главных проблем демократического транзита в том, как преодолеть обозначенную проблемную зону, когда политические и экономические реформы могут приводить к ухудшению социально-экономической ситуации, ослаблению управления, недовольству “проигрывающих” слоев населения.

Эта логика присутствует в литературе — например, А.Пшеворский говорит о “дне” J-кривой как о “долине транзита” [Przeworski 2001], а Ф.Шмиттер — о “долине слез” [Schmitter, Wagemann, Obydenkova 2005]. Иными словами, если задержаться в этой “долине”, в трансформирующемся обществе возникнут массы “ранних проигравших” (работники государственных отраслей, бывшие функционеры, пенсионеры, безработные и т.п.), из которых может сформироваться опасная антиреформаторская коалиция.

Но есть и еще одна грань проблемы: что может понудить “ранних победителей” (которые воспользовались благами приватизации в собственных интересах) продолжать реформы, выстраивать институты экономической конкуренции и, тем самым, ставить под угрозу дальнейшее получение ими ренты? Дж.Хеллман [Hellman 1998], критически рассматривая логику J-кривой, соглашается с тем, что на начальных этапах транзита реформы ухудшают экономику и политическую стабильность, но если продолжать реформы, начнется неизбежный “подъем”. Другое дело, что “ранние победители” этого не хотят, у них нет мотивов для этого — ведь они получили доступ к ренте. Это — сильный аргумент против популярной в некоторых политических и экспертных кругах идеи о том, что авторитарная модернизация может способствовать экономическим реформам. Напротив, исследование Дж.Хеллмана демонстрирует (по крайней мере, на примере посткоммунистических стран), что политическая стабильность не способствует реформам и что успешные реформы осуществлялись как раз в тех переходных странах, где были высокие уровни политического участия и конкуренции (т.е. там, где реально осуществлялась демократизация).

Наш вклад в изучение очерченной выше проблематики состоит в том, что, отталкиваясь от существующих в литературе наработок, мы эмпирически проверяем, существуют ли посткоммунистические автократии с высокой государственной состоятельностью и качественными институтами — и объясняем, почему их нет, формулируя неформальную модель, имеющую большой потенциал для последующей формализации.

<sup>4</sup> Заметим, что часто используемое в литературе понятие “сильного” государства (в противопоставлении “слабому”) не во всем корректно. Далеко не всегда ясно, каковы истоки и факторы этой “силы” — слабость оппозиции, репрессивные возможности и монополизм исполнительной власти, пассивность общества, контроль над СМИ и пр.? Этот вопрос имеет не только теоретический, но и вполне прикладной характер и непосредственно связан с аргументами как зарубежных, так и отечественных авторов в пользу авторитарной модернизации.

## ГИПОТЕЗА

Сформулированная нами на основе критического анализа существующей литературы и фактических данных гипотеза сводится к следующему: посткоммунистические автократии, в отличие от иных разновидностей авторитаризма, не демонстрируют высоких уровней государственной состоятельности и качества институтов. Эта гипотеза требует подтверждения или опровержения в дальнейшем объяснения.

## ДАННЫЕ И МЕТОДОЛОГИЯ

В нашем исследовании используются количественные (многомерные статистические) и качественные методы анализа (казусные, бинарные, кросс-национальные и иные сравнения).

Информационная база исследования включает эмпирические показатели различных аспектов государственной состоятельности и показатели политического режима.

Основные задачи, решавшиеся в рамках исследования и требовавшие привлечения инструментов статистического анализа, включали в себя снижение числа пропусков в данных, построение индексов, классификацию траекторий режимных трансформаций и государственной состоятельности, а также определение формы связи государственной состоятельности и уровня демократии (уровень демократии рассматривается как основная интегральная характеристика политического режима).

128

Множественность пропусков в данных являлась причиной, по которой в нашем предшествующем исследовании [Мельвиль, Стукал, Миронюк 2012а] мы рассматривали динамику показателей, усредненных за десятилетие. При переходе к более мелкому временному шагу необходимо было отказаться от экспертных оценок, занимавших важное место при измерении уровня государственной состоятельности в предшествующем проекте: фиксация множества характеристик государственной состоятельности для посткоммунистических государств с шагом менее 10 лет оказалась невозможна из-за недостаточности доступной экспертам информации. Однако это обострило проблему пропусков в данных, доступных на основании существующих открытых массивов (данные Всемирного банка, Международного валютного фонда, Организации объединенных наций и иных международных организаций).

Для устранения пропусков мы использовали двухшаговую процедуру регрессионного восстановления данных. Пусть  $X_0$  — признак, содержащий пропуски для заполнения;  $X_1, \dots, X_k$  — признаки, связанные с  $X_0$  и содержащие непропущенные значения хотя бы для некоторых наблюдений с пропусками в  $X_0$ . Признак с пропусками ( $X_0$ ) регрессируется на  $X_1, \dots, X_k$ , в массиве сохраняются прогнозные (модельные) значения для зависимой переменной ( $X_0^{(mod)}$ ). Далее создается новая переменная  $X_0$ , равная  $X_0$  в случае отсутствия пропуска в данных и равная  $X_0^{(mod)}$  в противном случае.

На втором шаге происходит заполнение оставшихся пропусков в  $X_0$ . Для этого отдельно для каждой группы объектов (государств) строится регрессия  $X_0$  на переменную времени (год). Такая регрессионная модель позволяет уловить динамику признака во времени и заполнить оставшийся пропуск с помощью интер- или экстраполяции модельным значением переменной  $X_0$ .

Восполненный описанным образом массив использовался далее для построения индексов демократии и государственной состоятельности, классификации траекторий режимных трансформаций, а также исследования связи между политическим режимом и государственной состоятельностью.

Другой серьезной методологической задачей для нас стала операционализация государственной состоятельности. В современной литературе на этот счет предлагаются разнообразные подходы [подробнее см. Мельвиль, Стукал, Миронюк 2012б]. Избранный нами подход предполагает создание нового индекса государственной состоятельности с учетом проблемы пропуска данных и наличия в статистических базах данных необходимых показателей по интересующим нас посткоммунистическим странам.

Построение индексов государственной состоятельности и демократии основывалось на усреднении компонент с равными весами. Государственная состоятельность концептуализировалась как многомерное явление, аспектами которого являются способность государства поддерживать правопорядок, обеспечивать управление и использовать ресурсы. Используемый нами новый индекс государственной состоятельности состоит из трех показателей, отражающих (1) наличие ресурсов; (2) качество финансовых институтов и (3) качество институтов, обеспечивающих законность и порядок. Его измерение осуществлялось путем усреднения показателя ресурсов — ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (данные Всемирного банка [World Development... б.г.]); показателя качества регулирующих экономику институтов, известного как “контрактные деньги” (*contract intensive money*; по данным МВФ [International Monetary... б.г.]) и индекса права на физическую неприкосновенность Д. Сингранелли и Д. Ричардса [Cingranelli-Richards... б.г.] (среднее арифметическое показателей пыток, исчезновений людей, внесудебных расправ и наличия политических заключенных)<sup>5</sup>. Перед построением индекса все показатели были приведены к шкале от 0 до 10, где 10 — наибольшее значение признака.

В случае измерения демократии мы усредняли индекс Polity IV и индекс организации *Freedom House* (оба показателя предварительно были приведены к шкале от 0 до 10, где 10 соответствует наиболее высокому уровню консолидации демократии). Классификация траекторий режимных трансформаций — как и ранее в наших исследованиях [Мельвиль, Стукал 2011; Мельвиль, Стукал, Миронюк 2012а; Мельвиль, Стукал, Миронюк 2012б] — осуществлялась с помощью кластерного анализа.

Наконец, для определения характера связи между индексом государственной состоятельности и индексом демократии использовались параметрические и непараметрические методы регрессии. Непараметрическое регрессионное моделирование предполагало использование локально-взвешенной ядерной регрессии с ядром Епанечникова. В рамках такого подхода вид получаемой зависимости полностью определяется имеющимися данными, а не является своеобразным компромиссом между данными и предполагаемой исследователями моделью.

Параметрическое регрессионное моделирование представляло собой подгонку полиномиальной модели первого или второго порядка (в зависи-

<sup>5</sup> Мы избегаем здесь проблемы эндогенности, поскольку эти показатели относятся к качеству институтов, независимо от характера политического режима.

мости от результатов применения непараметрического регрессионного моделирования) с помощью метода наименьших квадратов с последующим определением качества модели. Регрессионные коэффициенты и визуализация полученных моделей являлись основанием для критики теории J-кривой.

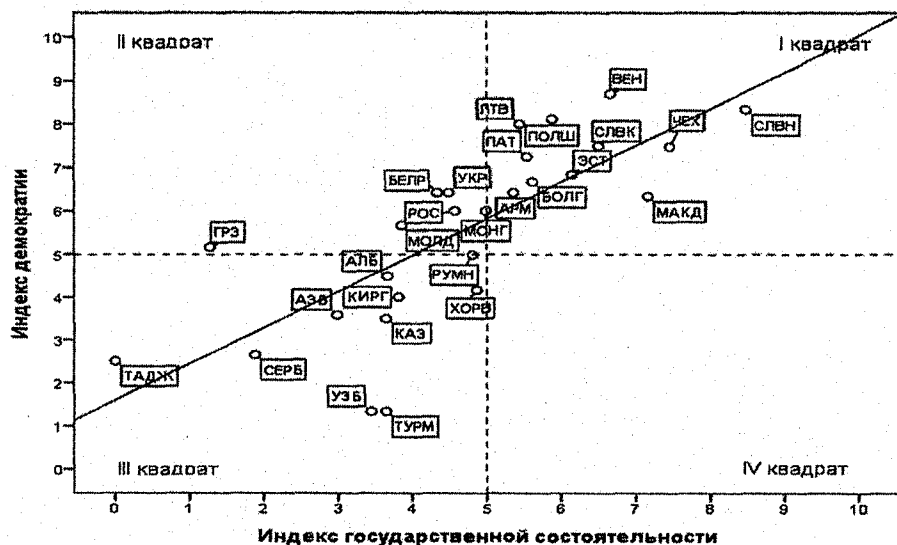
**АНАЛИЗ**

Изучение индексов государственной состоятельности и демократии 27 посткоммунистических стран<sup>6</sup> на старте трансформаций в 1989-1993 гг. и спустя двадцать лет, т.е. в 2009-2010 гг., и сравнительный анализ построенных на основе этих данных диаграмм рассеяния позволяют сделать ряд заключений относительно взаимосвязи государственной состоятельности и демократии в посткоммунистических трансформациях.

Диаграмма рассеяния за период 1989-1993 гг. (см. рис. 1) демонстрирует четкую связь между уровнями государственной состоятельности (ось X), с одной стороны, и уровнем демократии (ось Y), с другой.

Рисунок 1

Диаграмма рассеяния, 1989-1993 гг.



Распределение посткоммунистических стран по четырем квадратам:  
 I) максимум демократии – максимум государственной состоятельности;  
 II) максимум демократии – минимум государственной состоятельности;  
 III) минимум демократии – минимум государственной состоятельности;  
 IV) минимум демократии – максимум государственной состоятельности, – на старте трансформаций выявляет ряд примечательных эффектов.

<sup>6</sup> В дальнейшем на диаграммах используются следующие сокращения: АЗБ – Азербайджан; АЛБ – Албания; АРМ – Армения; БЕЛР – Белоруссия; БОЛГ – Болгария; ВЕН – Венгрия; ГРЗ – Грузия; КАЗ – Казахстан; КИРГ – Киргизия; ЛАТ – Латвия; ЛТВ – Литва; МАКД – Македония; МОЛД – Молдавия; МОНГ – Монголия; ПОЛШ – Польша; РОС – Россия; РУМН – Румыния; СЕРБ – Сербия; СЛВК – Словакия; СЛВН – Словения; ТАДЖ – Таджикистан; ТУРМ – Туркменистан; УЗБ – Узбекистан; УКР – Украина; ХОРВ – Хорватия; ЧЕХ – Чехия; ЭСТ – Эстония.



Во-первых, страны относительно высокого уровня государственной состоятельности являются лидерами демократизации – Словения, Чехия, Македония, Словакия, Венгрия, Польша, Литва, Латвия, Эстония, Болгария и др. (квадрат I).

Во-вторых, минимальные уровни государственной состоятельности характерны для стран с низкими показателями демократического развития – Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Азербайджан, Казахстан и др. (квадрат III);

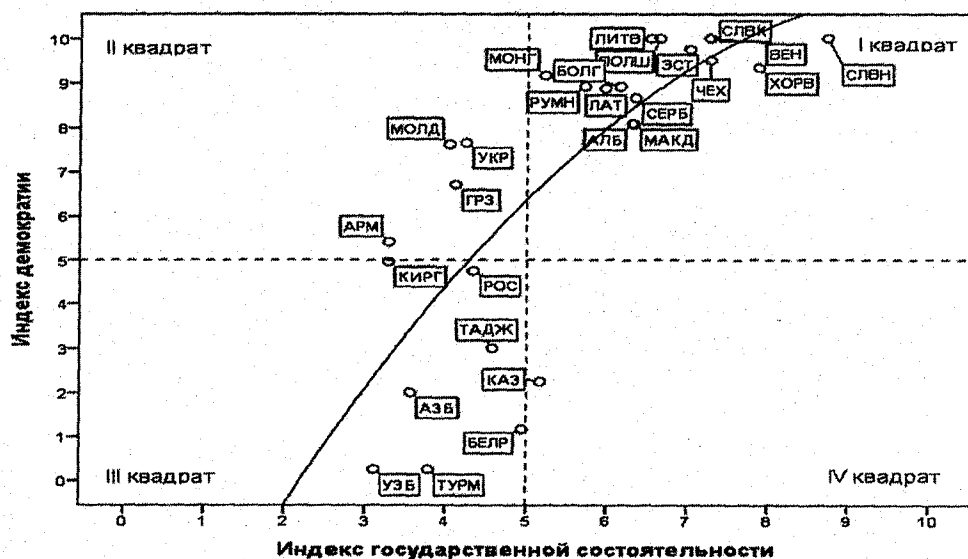
В-третьих, почти нет стран (за исключением Грузии), для которых на старте трансформаций была бы характерна минимальная государственная состоятельность и сколько-нибудь (относительно) высокий уровень демократии (квадрат II);

В-четвертых, примечательна пустота квадрата IV: на старте трансформаций вообще нет бывших коммунистических стран с низким уровнем демократии и высокой государственной состоятельностью.

Диаграмма рассеяния за 2009-2010 гг. (рис. 2) демонстрирует в целом те же эффекты, что наблюдались свыше 20 лет назад, однако появились и новые, связанные с дифференциацией траекторий развития посткоммунистических государств, часть из которых окончательно превратилась в консолидированные демократии, а часть стала “крепкими” автократиями (“крепкими” не в смысле силы институтов, а в смысле жесткости и устойчивости недемократических режимов).

Рисунок 2

Диаграмма рассеяния, 2009-2010 гг.



Во-первых, лидерство в процессах демократизации так или иначе связано с повышением уровней государственной состоятельности (в квадрате I сохранились, улучшив предыдущие показатели демократии, те же государства, что были там двадцать с лишним лет назад, но появились и новые, например, Албания, Румыния, Сербия и Хорватия; напротив, квадрат покинула Армения, ухудшив показатели и государственной состоятельности, и демократии).

Во-вторых, наиболее распространенной тенденцией последних двадцати с лишним посткоммунистических лет является, как правило, постепенное при-

ращение государственной состоятельности, независимо от режимных характеристик (имеются исключения, например, Украина, Киргизия и др., добившиеся при этом роста индекса демократии, или Армения, Узбекистан и Россия, “упавшие” по индексам государственной состоятельности и демократии).

В-третьих, несмотря на возросший уровень государственной состоятельности в Казахстане, Туркменистане и Белоруссии квадрат IV по-прежнему пустой (за исключением Казахстана, находящегося на самом краю квадрата). Из этого можно сделать вывод о том, что, несмотря на двадцать с лишним лет развития, не появились посткоммунистические диктатуры с высокой государственной состоятельностью. Условно говоря, Казахстан — не Сингапур, Азербайджан — не Оман.

Внимательное изучение рис. 2 заставляет задать вопрос о том, правильно ли расположены оси: не является ли государственная состоятельность функцией от демократии? И не появляется ли при смене осей та самая J-кривая, о которой говорится в литературе и которую мы не находим на данных о посткоммунистических государствах? На рис. 3 представлены диаграммы, получающиеся при смене осей<sup>7</sup>. Сплошная кривая — это график локально-взвешенной ядерной регрессии, о которой говорилось выше. Эта кривая указывает на общий тренд, выявляемый наблюдениями, не придавая ему никакого заранее выбранного исследователем функционального вида.

Рисунок 3

Альтернативная диаграмма рассеяния, а) 1989 — 1993 гг., б) 2009 — 2010 гг.

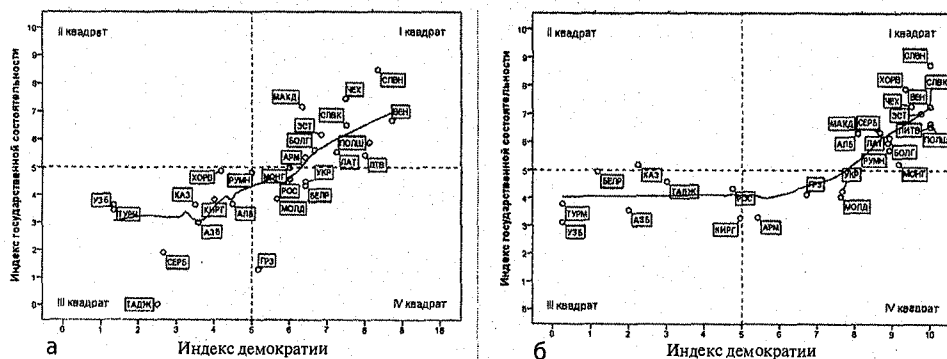


Рис. 3А в целом подтверждает выявленную нами линейную связь государственной состоятельности и демократии в первую пятилетку (легкий изгиб в правой части графика незначителен и обусловлен близостью Узбекистана и Туркменистана, “перевешивающих” Таджикистан). Рис. 3Б, характеризующий соотношение уровней государственной состоятельности и демократии в 2009 — 2010 гг., подтверждает выявленную на рис. 3А нелиней-

<sup>7</sup> Нужно заметить, что дать однозначный ответ на вопрос о правильном расположении осей затруднительно. Многое здесь будет зависеть от фокуса исследовательского вопроса и гипотезы. Существующая литература позволяет предполагать, что мы имеем дело с рекурсивным влиянием: государственная состоятельность влияет на демократию, и наоборот. По этой причине мы не использовали в работе регрессионных моделей. Оценка рекурсивных структурных моделей требует использования инструментальных переменных, найти которые нам пока не удается.

ность. В то же время он не дает оснований для утверждения о том, что автократии характеризуются более высоким уровнем государственной состоятельности, чем гибридные режимы: левый хвост графика горизонтальный. Рис. 3Б однозначно указывает только на то, что в автократиях и гибридных режимах уровень государственной состоятельности ниже, чем в консолидированных демократиях — но никак не на J-образную связь.

Более детальное изучение индексов государственной состоятельности и демократии за периоды 1989-1993 гг. и 2009-2010 гг., визуально представленных диаграммами рассеяния, показывает, что существуют четыре кластера посткоммунистических государств, формирующихся на основании сходств интенсивности и направления изменения индексов государственной состоятельности и демократии:

1) при росте индекса государственной состоятельности отмечается рост индекса демократии: Польша, Словения, Словакия, Венгрия, Болгария, Литва, Латвия, Эстония, Румыния, Албания, Сербия, Хорватия, Грузия, Молдова и Монголия, а также Таджикистан (16 государств);

2) при росте индекса государственной состоятельности отмечается рост индекса государственности: Польша, Словения, Словакия, Венгрия, Болгария, Литва, Латвия, Эстония, Румыния, Албания, Сербия, Хорватия, Грузия, Молдова и Монголия, а также Таджикистан (16 государств);

3) при умеренном снижении индекса государственной состоятельности наблюдается довольно значительный (не менее 1,0) рост индекса демократии: Чехия, Македония, Украина, Киргизия (4 государства);

4) при умеренном (за исключением Армении) снижении индекса государственной состоятельности отмечается довольно значительное снижение индекса демократии (не менее 1,0): Армения, Россия, Узбекистан (3 государства);

5) при умеренном росте индекса государственной состоятельности (за исключением Казахстана) наблюдается снижение индекса демократии: Азербайджан, Туркменистан, Белоруссия, Казахстан (4 государства).

Для государств *первого кластера* синхронизация роста показателей государственной состоятельности и демократии является свидетельством того, что увеличение способности исполнять государственные функции способствует поддержанию благоприятных для функционирования демократии институциональных, социальных и экономических условий. Это утверждение верно в полной мере для 15 государств первого кластера (кроме Таджикистана), которые добились еще более высоких (по сравнению с 1989-1993 гг.) значений индекса демократии на фоне роста индекса государственной состоятельности. Тем не менее, стартовые условия трансформаций в этом кластере не были идентичными, что позволяет далее выделить четыре группы государств: группа-1 — рост индекса государственной состоятельности и индекса демократии с относительно высоких стартовых до еще более высоких значений (Польша, Словения, Словакия, Венгрия, Болгария, Литва, Латвия, Эстония, Румыния); группа-2 — резкий одновременный рост индекса государственной состоятельности и индекса демократии с относительно малых до высоких (средних и выше по кластеру) значений (Албания, Сербия, Хорватия, Грузия); группа-3 — умеренный рост индекса государственной состоятельности при резком росте индекса демократии (Молдова и Монголия).

В этом кластере очевидно “лишним” элементом выглядит Таджикистан, который представляет отдельный, четвертый, тип динамики. Тем не менее, Таджикистан, при всех отличиях от других государств кластера в стартовых условиях и достигнутых результатах, демонстрирует общую тенденцию — рост индекса демократии при увеличении индекса государственной состоятельности. Однако достижение высоких значений индекса демократии невозможно при низких значениях индекса государственной состоятельности.

Выделяется в этом кластере и группа-2 в составе Албании, Сербии, Хорватии и Грузии, которые продемонстрировали высокую динамику по обоим индексам. Это объясняется выходом из вооруженных конфликтов с их участием или на их территории (для Албании — прекращением внутривнутриполитического противостояния). Результаты трансформации Грузии более скромные, но и они в целом укладываются в логику взаимосвязи государственной состоятельности (напомним, что это государство по-прежнему не преодолело и вряд ли уже преодолет территориальный раскол) и демократии.

Во *втором кластере* можно выделить три группы государств: группа-1 — незначительное снижение индекса государственной состоятельности при росте индекса демократии (Чехия); группа-2 — относительно значительное снижение (0,9) индекса государственной состоятельности при значительном росте индекса демократии (Македония); группа-3 — умеренное (от 0,3 до 0,5) снижение индекса государственной состоятельности при умеренном росте индекса демократии (Украина и Киргизия).

134 Можно было ожидать, что Чехия, которая входит в число наиболее удачных примеров посткоммунистических трансформаций, увенчавшихся консолидацией демократии, окажется в первой группе государств, составляющих первый кластер (Чехия по-прежнему находится в квадрате I). Незначительное снижение индекса государственной состоятельности при росте индекса демократии может объясняться открытым характером экономики, на которой негативно сказались кризисные явления в мировой экономике и финансах, а также исключительно свободными и независимыми СМИ, делающими достоянием гласности любые, даже незначительные нарушения прав и свобод граждан, эпизоды коррупции и т.п. Напротив, снижение индекса государственной состоятельности Македонии (также по-прежнему в квадрате I) объясняется тем, что при распаде Югославии политические эффекты всплеска национализма оказались отсрочены во времени (в отличие от Сербии и Хорватии) и пришлись на 1999-2001 гг.

Присутствие в одной группе Украины (квадрат II) и Киргизии (квадрат III) также объясняется сходством направления и интенсивности изменений индексов государственной состоятельности и демократии, хотя и по стартовым условиям, и по результатам трансформаций между этими государствами имеются значимые различия. В целом более высокие индексы государственной состоятельности и демократии для Украины отразились на трансформационных процессах, хотя и Украина, и Киргизия пережили похожие “революции” (“оранжевую” в 2004 г. и “тюльпановую” в 2005 г., соответственно) против правящих режимов, использовавших фальсификации на выборах.

*Третий кластер*, состоящий из Армении (группа-1), а также России и Узбекистана (группа-2), является полной противоположностью первого в том, что касается направленности изменений индекса государственной состоя-

тельности и индекса демократии. Между государствами этого кластера также имеются значительные различия и в стартовых условиях, и в результатах трансформаций последних двадцати с лишним лет (например, индекс демократии для России в 2009-2010 гг. — 4,8, для Узбекистана, политический режим в котором можно охарактеризовать как автократию персоналистского характера, — 0,3). Иными словами, это разные государства с разным набором ресурсов развития, с разными национальными повестками, вызовами и т.п., но, тем не менее, демонстрирующие сходные “понижательные” тенденции в институциональном развитии, ведущие к снижению качества функционирования демократии и/или росту автократии. Названные “понижательные” тенденции выражаются в том, что разные стороны функционирования государства и жизни общества все больше определяются не достраиваемой и усиливающейся системой институтов, а решениями властей разных уровней, неформальными договоренностями, коррупцией, непоследовательными государственными программами и проектами и т.п.

В четвертом кластере выделяются три группы государств: группа-1 — умеренный рост индекса государственной состоятельности при умеренном снижении индекса демократии (Азербайджан, Туркменистан); группа-2 — умеренный рост индекса государственной состоятельности при резком снижении индекса демократии (Белоруссия); группа-3 — значительный рост индекса государственной состоятельности при снижении индекса демократии (Казахстан). Пришедшие к власти в конце 1980-х годов Н.Назарбаев в Казахстане и С.Ниязов в Туркменистане, а также победивший на конкурентных выборах в 1994 г. в Белоруссии А.Лукашенко создали режимы личной власти. В Азербайджане, втянушемся еще в 1988 г. в армяно-азербайджанский конфликт в Нагорном Карабахе, до возвращения Г.Алиева в 1993 г. конкуренция в политике происходила на фоне внутренней нестабильности и крайне неблагоприятной ситуации в Нагорном Карабахе. Алиеву, фактически монополизировавшему власть, удалось вывести страну из боевых действий в 1994 г. и обеспечить консолидацию режима, начать реализацию крупных нефтегазовых проектов, которые способствовали экономическому росту.

Созданные в государствах данного кластера автократии привели к устранению реальной политической конкуренции (с сохранением имитационных выборов), ухудшению ситуации с политическими правами и свободами. Этим объясняются их низкие значения индекса демократии в 2009-2010 гг. Обращают на себя внимание резкое падение индекса демократии для Белоруссии при незначительном росте индекса государственной состоятельности, а также существенный рост показателя государственной состоятельности для Казахстана при умеренном (по сравнению с Белоруссией) падении индекса демократии. Интенсивность изменения двух индексов в случаях Азербайджана и Туркменистана более умеренная. Рост государственной состоятельности для государств этой группы — это не столько успех стратегий автократов (собственно стратегию развития четко артикулировал только Н.Назарбаев), создающих институциональные условия для развития своих государств-доменов в долгосрочной перспективе, сколько следствие наличия в их распоряжении значительных ресурсов от продажи нефти и газа (за исключением Белоруссии, которая под руководством А.Лукашенко с выго-

дой для себя играет роль страны-транзитера), которые используются и для покупки лояльности элитных групп и населения, и для создания эффективных силовых средств контроля над оппозицией.

Основной вывод, который вытекает из приведенного выше количественного и качественного анализа и относится к ключевой проблеме нашего исследования, заключается в том, что среди посткоммунистических стран нет автократий с высокой государственной состоятельностью и качественными институтами — ни на старте трансформации, ни спустя два десятилетия. Часть посткоммунистических автократий в некоторой степени улучшила ситуацию с государственной состоятельностью, причем, если не принимать во внимание особый случай Таджикистана, наибольший прирост — с 3,6 до 5,2 — продемонстрировал Казахстан, “обогнав” Белоруссию (4,9 из 10,0 в 2009-2010 гг.). Во всех остальных случаях наблюдался или умеренный рост (например, Азербайджан, Туркменистан), или падение (например, Узбекистан). Относительно “низкий уровень” государственной состоятельности (по сравнению с лидерами демократизации) не означает, что посткоммунистические автократии лишены ресурсов развития (напротив, они в большинстве своем богаты природными ресурсами, впрочем, доходы от их экспорта распределяются весьма неравномерно), исключительно бедны и “слабы”, т.е. не обладают силовым потенциалом подавления оппонентов. Как раз наоборот, они за двадцать с небольшим лет серьезно нарастили силовой потенциал, успешно сопротивляясь давлению легальной, но лишенной реального влияния, или нелегальной оппозиции (например, исламисты в Узбекистане). Улучшились ли при этом институты? Ответ на этот вопрос будет отрицательным, о чем свидетельствуют высокий уровень коррупции, стремление автократов заменять или подменять институты, например, представительства, иными конструктами, непредсказуемые, с опасностью повторения всплески насилия даже в процветающих и “примерных” автократиях (например, волнения в казахстанском Жанаозене в 2011 г.), склонность к применению насилия для разрешения (чаще — “заморожки”) конфликтов.

Полученные результаты со всей очевидностью противоречат логике J-кривой.

#### МОДЕЛЬ “ЦАРЯ ГОРЫ”

Предпринятый выше анализ диаграмм рассеяния и выявленных кластеров динамики государственной состоятельности и режимных характеристик посткоммунистических стран в течение двух десятилетий приводит — в свете распространенных в литературе позиций — к ряду нетривиальных заключений, в том числе относящихся к гипотезе нашего исследования. Мы показали, что, вопреки распространенному мнению (аргументация J-кривой), авторитарные режимы — по крайней мере, в нашей выборке — отнюдь не демонстрируют сколько-нибудь высокого уровня государственной состоятельности и качественных институтов<sup>8</sup>.

Действительно, мы фиксируем некоторый общий тренд, свидетельствующий о постепенном приращении государственной состоятельности посткоммунистических стран на протяжении двух десятилетий их трансформаций, независимо от стартовых условий и достигнутых режимных

<sup>8</sup> В этом отношении полученные нами результаты также не дают эмпирических подтверждений приведенной выше концептуальной схемы Ч. Тилли.

характеристик (за некоторыми проанализированными выше показательными исключениями). Однако — и это очень важный вывод концептуального и прикладного характера! — наш анализ показывает, что посткоммунистические автократии и тяготеющие к ним гибридные режимы не обладают сколько-нибудь высокой государственной состоятельностью и качественными институтами. По диаграммам рассеяния видно, что и на старте посткоммунистических трансформаций, и двадцать лет спустя, квадрат IV (максимум государственной состоятельности и минимум демократии) практически не заполнен (к осевым значениям по государственной состоятельности приблизились лишь Казахстан и Туркменистан). Условно говоря, нет среди посткоммунистических автократий своего “Сингапура” или “Омана”.

Попробуем разобраться, почему же среди посткоммунистических стран нет автократий с высокой государственной состоятельностью и с качественными институтами. Для этого мы предлагаем неформальную модель “царя горы” — кривую, показывающую зависимость между качеством институтов (ось X) и извлечением ренты (ось Y) в посткоммунистических автократиях (см. рис. 4).

Рисунок 4



Наш “царь горы” — это вовсе не “стационарный бандит” (в духе М.Олсона), т.е. не “беневолементный” и рациональный “диктатор”, обладающий долгосрочной перспективой, сознательно предоставляющий общественные блага и создающий “хорошие” институты, включая закон и порядок, обеспечение прав собственности, контроль над коррупцией и др.<sup>9</sup> Во-первых, таких авторитарных лидеров вообще мало в современном мире — “беневолементные” и рациональные “диктаторы” типа Ли Кван Ю или султана Кабуса являются, пожалуй, исключениями. Большинство современных “диктаторов” — это, скорее, “хищники” [Haber 2006], по сути склонные к “кочующему” поведению, несмотря на продолжительность их нахождения у власти и временные горизонты, на которые они ориентируются. Во-вторых, мы их вообще не видим в нашей посткоммунистической выборке — ни на старте трансформаций, ни спустя два десятилетия.

Это, повторим, достаточно сильный аргумент против зарубежных и отечественных пропагандистов идеи о том, что авторитаризм на начальных эта-

<sup>9</sup> Понятие “диктатора” для нас является аналитическим, а не оценочным (как и в многочисленной соответствующей литературе [см. напр. Olson 1993; Gandhi, Przeworski 2006; 2007; Wintrobe 2007; Magaloni 2008; Charron and Lapuente 2011 и др.]. Заметим, что этот же — ненормативный — подход можно обнаружить еще у Макиавелли. Конечно, в реальных ситуациях мы имеем дело с широким спектром проявлений позиции “царя горы” — от неосултанизма до электорального авторитаризма разной степени репрессивности.

пах транзита предпочтителен, так как может способствовать экономическим и иным реформам — так, действительно, бывало в 1980-х годах, когда в повестке дня был переход от аграрных обществ к индустриальным (Южная Корея, Тайвань и др.), но ни разу — в случае современных переходов от индустриальных к постиндустриальным, инновационным, высокотехнологичным обществам.

Перед “царем горы” встает множество проблем, в том числе обусловленных так наз. *дилеммой диктатора* [Wintrobe 2007]: он никогда не знает наверняка, кто в его окружении действительно лоялен ему, а кто может готовить заговор. Поэтому (в идеальной ситуации) для обеспечения гарантий сохранения своих властных позиций он должен избрать наиболее эффективные, т.е. рациональные (что, увы, бывает не всегда) варианты взаимодействия с поддерживающими его и иными элитами и организациями. А для сохранения равновесия в обществе — определить ситуационно-оптимальные варианты взаимодействия с потенциальными и реальными группами и сообществами вне режима.

Разумеется, конкретные стратегии, используемые “царем горы”, могут быть очень разными, располагающимися в широком диапазоне между двумя аналитически выделяемыми в литературе крайними вариантами — репрессии и кооптации. Для их изучения и сравнения возможны разные подходы — от игровых моделей до анализа казусов. Сейчас же для нас важно выявить некоторые общие характеристики анализируемого феномена. Для этого мы обращаемся к соотношению качества институтов и ренты — как экономической, так и политической.

Последнее обстоятельство особенно актуально для рассматриваемых нами посткоммунистических стран, в которых в начальной точке транзита отсутствовали рыночные отношения; во многих из них по этой причине собственность и власть оказались тесно переплетенными, то есть к экономической ренте добавилась и политическая. В “зависших” в своем транзите (или вновь “сползших” к авторитаризму) посткоммунистических странах именно элиты-победители (при всех их внутренних “войнах”) завоевали положение рядом с “царем горы” и обеспечили себе гарантированное извлечение политической и экономической ренты<sup>10</sup>.

У “царя горы” просто нет интересов, нет мотивации, которая побуждала бы его к формированию качественных институтов управления и сколь угодно демократических практик. Созданные им “плохие” (т.е. коррумпированные, непрозрачные и неэффективные) институты для него как раз являются “хорошими”, так как они выполняют функции, для которых были созданы, и закрепляют соответствующую “институциональную ловушку” [Гельман 2010]. Как следствие, происходит “захват государства”, в том числе силовой [Волков 2002], и дальнейшее закрепление “большого”, но “слабого” (с точки зрения качества институтов) авторитарного государства [Петров 2011]. Экономическая и политическая рента, а не приоритеты экономической и политической конкуренции и гарантии собственности становятся главным побудительным мотивом поддержания статус-кво и про-

<sup>10</sup> Впрочем, вопрос о характере взаимосвязей и взаимодействий между “диктатором” и элитами в контексте нашей проблематики остается достаточно открытым, в том числе и по причине недоступности информации. Проблема, связанная с этими взаимосвязями и взаимодействиями, обсуждается в современной литературе. Например, предлагается аргументация в духе теории коллективных действий относительно разных стратегий множественных элит в отношении своего патрона [Hale 2006: 305–329]. В рамках нашей модели одним из ключевых и нерешенных вопросов является степень автономности элит, их независимости в своих решениях от патрона.



тивоедействия реформированию, что, в свою очередь оказывается одним из основных препятствий на пути демократизации.

При этом рента — это основа сохранения статус-кво, но не его гарантия. “Царь горы”, решая “дилемму диктатора” и перераспределяя ренту, использует институты (имитационные выборы, доминантную партию и включенную в режим системную оппозицию, государственный аппарат и др.). С их помощью он решает проблемы внутренней и внешней легитимации, обеспечения лояльности “селектората” [Bueno de Mesquita et al 2003] и поддерживающей его коалиции, минимизации угрозы “дезертирства” элитных групп и потенциала массового протеста. Но для решения этих задач хорошие институты ему не нужны, в том числе потому, что перераспределение ренты чаще идет по неформальным патрональным каналам<sup>11</sup>.

В такой ситуации реальные преграды для реформ создает не сопротивление “проигравших”, от которых якобы нужно “изолировать” государство и режим (вынужденно, как бы из благих соображений и чуть ли не поневоле, становящихся авторитарными). Напротив, эти преграды реформам создаются именно “победителями”, всеми силами стремящимися не допустить реального продолжения реформ или выхолостить их содержание, сделать их сугубо имитационными. По сути, именно об этом и говорил Дж. Хеллман в своей модели “победителей, которые получают все” [Hellman 1998].

Мы далее модифицируем “кривую победителей” Дж. Хеллмана, которая имеет в виду преимущественно экономическую ренту, и включаем в нее фактор политической ренты, что в случае “царя горы” имеет принципиальное значение. Дело в том, что в посткоммунистических (точнее — постсоветских) авторитарных режимах политическая рента, обеспечивающая монополию на власть, является условием для извлечения ренты экономической. Без гарантированной политической ренты, предполагающей участие во властной монополии (или, как минимум, причастность к ней), и при отсутствии гарантий частной собственности и иных четко определенных правил игры, характерных для ситуации де-факто “кочующего бандита”, никто — ни олигарх, ни делегированный властью руководитель государственной корпорации, ни кто-либо иной — не может быть уверенным в устойчивости своего доступа к экономической ренте. “Царю горы”, демонстрирующему “кочующее” поведение, не слишком сложно и отобрать собственность, и отлучить от ренты.

В модели “царя горы” у монополиста политической и экономической ренты просто нет мотивов для улучшения качества институтов и политической конкуренции. Стабильность и статус-кво для него — главные приоритеты, отказ от них создает реальную угрозу утраты экономической ренты. Не может не возникнуть вопрос: что и почему может побудить “царя горы” начать реформы, которые в случае открытой конкуренции будут грозить утратой статуса и, как минимум, значительной части захваченной государственной собственности?<sup>12</sup>

В принципе, такие побудительные мотивы могут порождаться разными обстоятельствами. Во-первых, расколами внутри правящих элит, в том чис-

<sup>11</sup> Заметим, что проблема качества заимствуемых институтов шире проблемы режима “царя горы”, она имеет более общий характер и фиксирует реальные сложности применительно к возможностям институциональной трансплантации в странах догоняющего развития. На это обстоятельство, в частности, обращают внимание Д. Норт, Дж. Уоллис, С. Уэбб и Б. Вайнгаст, разрабатывая идею “good enough governance” [Норт и др. 2012].

ле появлением в них реформаторского крыла (это тоже одна из классических транзитологических тем). Исторические примеры очевидны — Испания после смерти Франко, СССР с приходом Горбачева и др. Хотя реальное соотношение сил внутри режима (режимов) “царя горы” и степень монолитности власти трудно оценить и прогнозировать, данный фактор для посткоммунистических автократий представляется пока что маловероятным.

Во-вторых, подъемом новых и достаточно сильных элитных групп, не связанных с интересами режима “победителей” и стремящихся к установлению новых эффективных и качественных институтов и политических и экономических порядков. Такое тоже бывало, например, в конце 1980-х годов в Чехословакии, в прибалтийских странах и др. Эту опасность “царя горы” хорошо осознает и поэтому использует разные стратегии (“кнут и пряник”) для сохранения своей монополии.

В-третьих, усиливающимся давлением “снизу” (преимущественно в форме того, что в современной литературе по обсуждаемой нами проблематике получило название “мирных демонстраций”). Если при этом — воспользуемся известным рассуждением Г.О’Донелла об эволюции бюрократического авторитаризма — “издержки репрессии” начинают превосходить “издержки терпимости” и побуждать к изменениям, “царь горы” уже не в состоянии не обращать внимания на такое давление. Однако здесь вполне вероятна и обратная реакция — “закручивание гаек” и крен от умеренного к открытому авторитаризму с репрессиями, ужесточением режима и пр. Вместе с тем, не только протест “снизу”, но и изменения широких массовых запросов [Рогов 2012] могут понудить “царя горы” к вынужденным преобразованиям режима.

В-четвертых, давлением внешней среды. Речь здесь идет вовсе не о политическом давлении определенных государств или организаций, против которого “зависшие” в своем транзите посткоммунистические страны выстроили мощные “суверенные” заслоны. Речь идет о широком мировом контексте глобализации экономических процессов и транснационализации процессов политических. Это также условия, предъявляемые к участию “царя горы” в международных экономических, политических, информационных и иных взаимодействиях.

Все эти важные вопросы, однако, выходят за рамки настоящей работы. Но это очень перспективные в теоретическом и практическом планах сюжеты для дальнейших исследований.

## Выводы

Проведенное нами исследование позволяет подтвердить сформулированную выше гипотезу и сделать ряд нетривиальных выводов.

Мы показали, что взаимосвязи между различными аспектами государственной состоятельности (в том числе качеством институтов) и режимными характеристиками носят комплексный и многомерный характер. При этом различные аспекты государственной состоятельности оказывают различное влияние на траектории режимных трансформаций в изучаемых нами посткоммунистических странах.

<sup>12</sup> В таком анализе могут, в частности, использоваться и различные игровые модели (это — в ряду наших задач на будущее).

Общей тенденцией последних двадцати с лишним посткоммунистических лет является относительно постепенное приращение государственной состоятельности (“повышательные тренды”), независимо от режимных характеристик (за частными и показательными исключениями – Армения, Узбекистан, отчасти Россия и некоторые другие страны). С учетом композиции созданного нами нового индекса государственной состоятельности еще предстоит выяснить, что именно на это приращение влияет – ресурсы или институты.

В ряде случаев мы фиксируем и “понижательные тренды” разных типов. Речь идет о спаде демократии при относительно том же уровне государственной состоятельности; снижении демократии при некотором повышении государственной состоятельности; снижении демократии при снижении государственной состоятельности и при некотором ее увеличении, а также относительно повышении государственной состоятельности при неизменном уровне демократии.

Полученные результаты побуждают к критической переоценке некоторых важных теоретических и эмпирических положений, которые в современной литературе, посвященной проблематике государственности, качества институтов и режимным характеристикам, считаются во многом доказанными. Речь в первую очередь идет об аргументации, используемой применительно к J-кривой, согласно которой автократии демонстрируют более высокие уровни государственной состоятельности, нежели переходные, транзитные режимы. Наше исследование заставляет серьезно усомниться в универсальности такой аргументации. Модель “царя горы” предлагает предварительное объяснение, почему это не так в случае с посткоммунистическими автократиями.

Полученные нами выводы вносят вклад в современную политическую компаративистику, расширяя ее эмпирическую и теоретическую базу. Достигнутые результаты позволяют сформулировать перспективные направления дальнейших исследований. В первую очередь они касаются вопроса об эффективности управления в недемократических государствах и способности заимствованных институтов выполнять ожидаемые функции, а не “мимикрировать” в условия неблагоприятного институционального и культурного контекста.

141

Волков В. 2002. *Силовое предпринимательство*. М.: Летний сад.

Гельман В. 2010. Россия в институциональной ловушке. – *Pro et Contra*, т. 14, № 4-5.

Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. 2012а. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности. – *Полис*, № 2.

Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. 2012б. Государственная состоятельность, демократия и демократизация (На примере посткоммунистических стран). – *Политическая наука*, № 4.

Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К. 2011. Условия демократии и пределы демократизации. Факторы режимных изменений в посткоммунистических странах: опыт сравнительного и многомерного статистического анализа. – *Полис*, № 3.

Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгаст Б. 2012. *В тени насилия: уроки для общества с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Петров Н. 2011. Обилие слабого государства. – *Pro et Contra*, том 15, № 5.

Рогов К. 2012. Политические циклы постсоветского транзита. – *Pro et Contra*, т. 16, № 4-5.

Baack H., Hadenius A. 2008. Democracy and State Capacity: Explaining a J-Shaped Relationship. – *Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*, vol. 21, № 1.

Bratton M. 2004. State Building and Democratization in Sub-Saharan Africa: Forwards. Backwards, or Together? – *Afrobarometer Working Paper*, № 43.

Bueno de Mesquita B., Smith A., Siverson R., Morrow J. 2003. *The Logic of Political Survival*. Cambridge: MIT Press.

Carbone G., Memoli V. 2011/2012. *Does Democracy Foster State Consolidation? A Panel Analysis of the "Backwards Hypothesis"*. Доступ: [http://www.sociol.unimi.it/papers/2012-04-19\\_G.%20Carbone%20e%20V.%20Memoli.pdf](http://www.sociol.unimi.it/papers/2012-04-19_G.%20Carbone%20e%20V.%20Memoli.pdf).

Charron N., Lapuente V. 2010. Does Democracy Produce Quality of Government? – *European Journal of Political Research*, vol. 49, № 4.

Charron N., Lapuente V. 2011. Which Dictators Produce Quality of Government? – *Studies of Comparative International Development*, vol. 46, № 4.

Cingranelli-Richards Human Rights Data Project. Б.г. Доступ: <http://ciri.binghamton.edu>.

Fortin J. 2011. Is There a Necessary Condition for Democracy? The Role of State Capacity in Post-Communist Countries. – *Comparative Political Studies*, vol. 20, № 10.

Fukuyama F. 2007. Liberalism versus State-Building. – *Journal of Democracy*, vol. 18, № 3.

Gandhi J., Przeworski A. 2006. Cooperation, Cooptation, and Rebellion under Dictatorship. – *Economics and Politics*, vol. 18, № 1.

Gandhi J., Przeworski A. 2007. Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats. – *Comparative Political Studies*, vol. 40, № 11.

Grzymala-Busse A., Jones Luong P. 2002. Reconceptualizing the State: Lessons from Post-Communism. – *Politics and Society*, vol. 30, № 4.

Haber S. 2006. Authoritarian Government. – *Weingast B. and Wittmen D. (Eds.). The Oxford Handbook of Political Economy*. Oxford: Oxford University Press.

Hale H. 2006. Democracy or Autocracy on the March? The Colored Revolutions as Normal Dynamics of Patronal Presidentialism. – *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 39, № 3.

Hansen J. 2008. Democracy and State Capacity: Complements or Substitutes? – *Paper presented at the annual meeting of the Midwest Political Science Association*, Chicago, April 3-6.

Hellman J. 1998. Winners Take All. The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions. – *World Politics*, vol. 50, № 2.

*International Monetary Fund. Data and Statistics*. Б.г. Доступ: <http://www.imf.org/external/data.htm>.

Linz J., Stepan A. 1996. *Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*. Baltimore; L.: The Johns Hopkins University Press.

Magaloni B. 2008. Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule. – *Comparative Political Studies*, vol. 10, № 5.

Moller J., Skaaning S.-E. 2011. Stateness First? – *Democratization*, vol. 18, № 1.

Olson M. 1993. Dictatorship, Democracy and Development. – *American Political Science Review*, vol. 87, № 3.

Przeworski A. 2001. *Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America*. Cambridge: Cambridge University Press.

Rose R., Shin D. 2001. Democratization Backwards: The Problem of Third-Wave Democracies. – *British Journal of Political Science*, vol. 31, № 2.

Rustow D. 1970. Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model. – *Comparative Politics*, vol. 2, № 3.

Schmitter Ph., Wagemann C., Obydenkova A. 2005. *Democratization and State Capacity*. Paper for X Congreso Internacional del CLAD sobre la Reforma del Estado y de la Administracion Publica. Santiago, Chile (18-21 Oct.).

Tilly Ch. 2007. *Democracy*. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press.

Wintrobe R. 2007. *Dictatorship: Analytical Approaches*. – *Boix C. and Stokes S. (Eds.). The Oxford Handbook of Comparative Politics*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press.

*World Development Indicators / The World Bank*. Б.г. Доступ: <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators>.